

Этнокультурная теория истины в теории и методологии субстратного подхода

Аннотация. Существующие теории истины восходят или к платоновской теории, или к Аристотелевской, но в обоих случаях представляют собой редукции тождества в индогерманских языках к теории функций, не эссенциальны, не субстанциональны (элиминируется субстанция) и фактически относятся к объектам одного рода, не учитывают сложность космологического принципа (мир прост и сложен, самосогласован и не самосогласован, всеобщ и культурно-типичен, системен и уникален, изменяется и не изменен) - выделенным объектам и предметам наук. Но в природе эволюции объекты - одного и разного рода, а мозг человеческий в расах и этносах, структуре коры, психофизической дуге, дуге сознания мыслит их не только аналитически, но и синтетически, приводя к совместимости, выводимости, следованию онтологии разного рода в интенции на абсолютность и относительность суждений и умозаключений, высказываний. Мозг в этом аспекте располагает в этнических языках комплексом пяти базовых рефлексий: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной, и последняя задает модель эссенциально-субстратного общего, осуществляющего синтез образов всех пяти рефлексий. Эта область пересечения пяти рефлексий - P_0 или общее (не тождественное всеобщему), позволяющее формировать суждения вид «некоторые S и только они суть P_0 и все эти S и только они суть P_0 и Не- P_{1-5} », а на его основе - форму силлогизмов и форму и содержание теоретико-множественной формально содержательной абсолютной и относительной истины применительно к объекту одного и разного рода. P_0 - область значений абсолютной истины, ложь и заблуждение возникают из односторонности рефлексий и их отклонения от P_0 ; P_0 содержит модель здравого смысла и модель повседневно-обыденной истины. В статье рассматриваются фундаментальные рефлексии в науке, общая символическая модель истины на основе совместимости этих рефлексий, соответствующие законы логики (исключения четвертого и пятого), модель силлогизма, антропологическая форма истины, устанавливается ее отношение к опыту и практике, вводится теоретико-множественная модель истины, вводится модель абсолютной истины, вводится редукционная классификация функциональных молей истины в науке. Рефлексивная историческая этническая форма истины в теории и методологии субстратного подхода - всеобща и культурно-типична, необходима и антиномична, личностна и общезначима, системна и уникальна, абсолютна и относительна.

Ключевые слова. Субстратный подход, базовые рефлексии: феноменологическая, атрибутивная, функциональная, структурная, субстратная, символическая истина, антропологическая истина, силлогизм, суждение, законы логики, опыт и практика, классификация функциональных форм истины.

I. Классификация теорий истины.

Серьезных изменений в теории истины со времен Платона и Аристотеля, при всем разнообразии теорий истины, не происходило. В аналитическом аспекте все теории истины образуют некоторую целостность этнокультурных димензиальных прагматических образов объектов одного и разного рода, редуцируя их к объектам одного рода. В классификационной модели субстратного подхода А. А. Гагаева классификация теорий истины такова.

1. Скептические теории.
2. Эмпирические теории.

3.1. Логико-математические теории функционального типа. Логические и исторические теории подтверждения. Конвенциональные и когерентные теории.

3.2. Вероятностная теория истины. Правдоподобие.

3.3. Функциональные теории истины в отраслях наук (философия, математика, естественные науки, технические науки, социальные науки, гуманитарные науки, искусство, религия, воспитание и образование).

3.4. Априоризм и конвенционализм в науке. Систем Д-тезиса.

3.5. Модели истины в физике, квантовая и волновая механика и ОТО, частная теория относительности, космология, пространство-время.

3.6. Многозначные логики с тремя и более значениями истины.

3.7. Диалектическая логика. Абсолютная и относительная истина. Классическая теория истины.

3.8. Система логик как моделей истины.

3.9. Этнокультурные модели истины и заблуждения в моделях КПЛ.

3.10. Консенсусная теория истины.

3.11. Теория понимания (понимание; формализация; объяснение и обоснование; столкновение-спецификация; интерпретация; ретросказание; предсказание).

3.12. Теория критериев истины и лжи.

3.13. Теория заблуждения и лжи.

3.14. Источники лжи в России.

3.15. Модель истины в воспитании и образовании.

4.1. Семантическая теория А. Тарского.

4.2. Религиозные теории в видах религий.

4.3. Иррационалистические теории истины в отношении к рационалистическим.

4.4. Историческая кумуляция теорий истины: логико-математические, эмпирические, скептические, религиозные, этнокультурно-этнические антиномические.

5.1. Реалистически-концептуалистически-номиналистическая теория Аристотеля (материальная адекватность и формальная непротиворечивость в теории общего - единичный признак сходства, эмпирических обобщений первого рода в познании первого рода, законы логики, суждения, умозаключения, высказывания, умозаключение, система объективного и субъективного вывода, теория истины и лжи, заблуждения, категории и определение, диалектика).

5.2.1. Номиналистически-концептуалистическая - реалистическая теория истины в теории общего как единичного признака тождества (формализм, логицизм, теоретико-множественный подход, эссенционализм, субстратный подход), в которой моделям системы общего соответствуют свойства, отношения, функции в моделях конструкций систем (заданное внешнее отношение определяет свойства; заданное внутренне свойство определяет отношения; отношения определены, свойства неопределены; свойства субстанции определены, отношения неопределены; неопределенность в целом).

5.2.2. Диалектическая теория абсолютной и относительной истины.

5.2.3. Моделирование общенаучных исследовательских методов в субстратном подходе.

5.2.4. Отношение формы истины к справедливости, равенству, истории.

5.3. Прагматические целевые и инструментальные модели истины, достоверности, правдоподобия (Ч. Пирс, У. Джемс, К. Айдукович, Н. Решер. П. В. Бриджмен).

5.4. Димензиальная теория истины Б. Фракла.

5.5. Теория здравого смысла, понимания и объяснения, повседневно-обыденная теория истины и заблуждения в жизни и науке А. Шюца.

Все эти модели истины суть не более чем исторические, этнические димензиальные

Редукционные (редукция тождества, а не онтологических уровней) образы объектов одного и разного рода, то есть онтологий, которые несоизмеримы (разного рода онтологии, закономерности), не совместимы (логически друг из друга не выводимы, ибо

основаны на разного рода логиках и законосообразностях), не сравнимы (нет логических отношений включения, пересечения, а такого рода соотношения - операциональные и остенсивные инструментальные конструкции), не редуцируемы, димензиальны друг по отношению к другу и дополнительные.

Эти димензиальные образы структурируются пятью базовыми рефлексиями - феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной и субстратной, которая как эссенциальная и форма общего задает схему операционального взаимодействия всех этих теорий - димензиальных редуционных образов, вводя единый критерий-онтологию и логику, редуцию онтологических уровней их совместимости, выводимости, следования.

II. Предполагается, что не существует единичного всеобщего критерия истины в формальном смысле (И. Кант), но есть всеобщий, содержательный критерий истины: пересечение образов, создаваемых феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной рефлексиями, которое, пересечение, представляемое символом P_0 и суть абсолютное приближение к форме истины вообще содержательным образом.

Введем модели фундаментальных рефлексий в науке.

В метафизике, естествознании, техническом и гуманитарном познании доминируют фундаментальные феноменологический, атрибутивный и в особенности функциональный и структурный подходы (рефлексии). Однако каждый из них эффективен в одном отношении и ограничен в другом, каждый предназначен для решения определенных познавательных задач.

Феноменологический подход ориентирован на установление в абстракциях отождествления и неразличимости всеобщего в отдельном объекте одного рода, конструирование исходя из него частных моделей, единичного метода, который неприменим даже к задачам одного и того же класса. Лишь вводя субстратную характеристику, объединяющую материально разнородные объекты, общую для всех них, мы можем получить общий метод, построить не частные, а общие математические модели.

Введем модель общей феноменологической рефлексии:

1. Аристотелевское отбрасывающее абстрагирование и функциональное абстрагирование для получения всеобщего как абстрактно-родового признака вещей.

2. Всеобщий объект и предмет познания одного рода, исключая объект одного и разного рода; эмпирические функциональные зависимости внутри всеобщей модели.

3. Редукция тождества, замещение непрерывной разнородности формой однородной непрерывности и формой прерывной разнородности.

4. Фиксирование лестницы всеобщих оснований.

5. Общие операции феноменологической рефлексии: космологический принцип: мир прост, однороден, самосогласован. Концептуалистическая теория всеобщего и определение этим всеобщим единичного и движение истины от оснований к следствиям при запрете обратного движения; тождество в объекте одного рода; локально-целевая система обобщения; дедукция, аналогия отношений, индукция; феноменологическая, конвенциально-когерентная модель истины относительно объекта одного рода при движении истины от оснований к следствиям.

Разумеется, в чистом виде вряд ли кто использует феноменологическую рефлексия, но она является именно основной формой мышления определенных философов, физиков и т.п. дополняемая культурно-типической определенностью познания и личным знанием.

Атрибутивный подход предполагает чисто эмпирический анализ объектов исследования и исключает выявление и проектирование теоретических сущностей конструктивного характера.

Введем модель общей атрибутивной рефлексии:

1. Точка зрения обособленного единичного, прежде всего при фиксировании только абстрактной всеобщей связи в абстракциях Аристотеля и функциональном абстрагировании. Форма особенной целостности исключена из рассмотрения.

2. Объект – единичное как количественная индивидуальность.

3. Редукция всеобщего к единичному: свойствам, отношениям, функциям. Эмпирическая форма истины.

4. Методологический индивидуализм в моделировании движения и изменения.

5. Общие операции атрибутивной рефлексии: номиналистическая теория всеобщего и определение единичным формы всеобщего; всеобщая нетождественность объектов, но их локально-общая тождественность; диспозициональное описание свойств и отношений объекта при первичности свойств относительно отношений; аналогия свойств, индукция и дедукция на этой основе; атрибутивно-прагматическая и скептическая модель истины.

Функциональный подход позволяет охватить особенные внешние функциональные связи при абстрагировании от причинных характеристик процессов и специфики субстратов.

Введем модель общей функциональной рефлексии:

1. Функциональное абстрагирование (Г. Вейль).

2. Объект – количественные индивидуальности в объекте одного рода как функциональные зависимости в классе, роде и т.п., группе.

3. Логико-математическая и эмпирическая форма истины, вероятностная истина, правдоподобие, подтверждаемость.

4. Моделирование в редукции тождества движения, развития, функционирования объектов одного рода. Функциональный, но не индивидуальный эволюционизм.

5. Общие операции функциональной рефлексии:

- номиналистически-функциональная модель общего;
- тождество во всеобщих группах количественного характера;
- функциональное количественно-индивидуальное моделирование объекта одного рода в рамках принципа методологического индивидуализма в отношении симметрии, транзитивности, рефлексии, порядка при первичности отношения относительно свойств и замещении функциональной зависимостью причинных зависимостей;

- дедукция, функционально-структурная, структурно-функциональная аналогии, индукция;

- моделирование системы функций как всеобщего отношения, из которого выводятся свойства, субстраты при отвлечении от проблемы причинности и уникальности объектов как естественных тел одного и разного рода; элиминация противоречий – антиномий науки. Функционально-корреспондентская теория истины.

Структурный подход абсолютизирует момент отношений, внутренних структур при отвлечении от субстратов и редукции их к структурам, которые конструируются на совершенно разных субстратах, т.е. вводится абстракция отождествления различных субстратов при их рассмотрении в определенном отношении.

Введем модель общей структурной рефлексии:

1. Функциональное абстрагирование относительно иерархии онтологических уровней материи.

2. Объект – объект одного рода как комплексы, системы, иерархии отношений, свойств, функций, элементов и единиц, классификаций.

3. Логический аппарат – теория симметрий, спонтанных нарушений симметрии, структурно-функциональные и функциональные соотношения, изоморфизмы, аналогии и т.п.

4. Редукция онтологических уровней, тождества.

5. Общие операции структурной рефлексии:

- моделирование иерархии оснований, лестницы оснований в материи. Основания понимаются как всеобщие отношения, к которым редуцируются частные системы функциональных зависимостей. Структурная, концептуально-номиналистическая теория всеобщего;
- тождество в иерархии отношений;
- целевое моделирование структур в нисходящем и восходящем проектировании и в определении отношения субстратов и свойств;
- дедукция, структурно-функциональная, функционально-структурная аналогии, моделирование, индукция;
- концептуалистически-номиналистическая структурная модель истины.

Таким образом, без включения в рассмотрение субстрата системы качественный ее анализ и синтез, прослеживание ее эволюции, реконструкция индивидуальной специфики оказываются невозможными.

Ограниченность научных теорий, основанных на феноменологии, атрибутивном, функциональном и структурном подходах, была осознана в русской философии науки уже Вл. Соловьевым, Н. Я. Данилевским, Б. Н. Чичериным, Л. Шестовым, а в наше время С. Д. Петровым, А. Н. Кочергиным, В. И. Метловым, В. С. Барулиным, А. И. Уемовым, Ю. А. Урманцевым, Г. Башляром и Г. Вейлем; в области физической науки – В. П. Дмитриевым и В. А. Ацюковским (статистическая квантовая механика и эфиродинамика), в технических науках – А. А. Румянцевым и др.

Модель субстратной рефлексии.

1. Субстратно-структурно-функциональное абстрагирование, синтез образов рефлексий, феноменологической, функциональной, структурной, субстратной на базе найденного субстратно-общего и лестницы основания и субстратов (основ).

2. Объект – объект одного и разного рода, естественное тело, естественные, а не искусственные классификации.

3. Логическая рефлексия – антиномично-пентаномичная содержательная логика с использованием законов исключения 2, 4, 5.

4. Система редукций – тождества, мезоредукций, онтологических уровней в исчерпывающей классификационной системе (бытие – сущность – явление – действительность – эволюция - инволюция, исчезание).

5. Общие операции субстратной рефлексии:

- модель реалистически-номиналистически-концептуалистически, пространственно-временного телеономного общего, определяющего причинно-следственную и функциональную зависимость и содержащего единичный признак сходства, единичный признак тождества, единичный признак целесообразности, единичную форму общих кругооборотов свойств, отношений, функций, форму опосредования ими индивидуально-общих функциональных связей объектов в системе субстратной естественной классификации (синтез образов объекта в феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, рефлексиях на базе субстратного образа). И это общее определяет всеобщее, конкретно-абстрактное, особенное, единичное, посредуя в структурно-функциональных зависимостях; общее разворачивается в 20-25-членной классификационной системе;

- тождества в объекте одного и разного рода в лестнице субстратов (основ, как общего отличного от оснований – всеобщего);

- описание в структуре языков феноменологического, атрибутивного, функционального, структурного и субстратного образов в пересечении и языках группы наук;

- логика суждения: следствия – основания – следствия; антиномическая содержательная логика;

- субстратная модель истины, т.е. субстратная рефлексия вводит объект и предмет нефиксируемый феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной рефлексиями - лестницу форм общего, отличного от всеобщего, которая, лестница форм общего определяет лестницу форм всеобщего в материи.

III. Символическая модель этно- исторической истины (истина вообще).

В рамках пяти проекций: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной мы получаем модель истины вообще, исторической культурно-типической истины применительно к Евразии как особенной форме жизни в истории биосферы планеты. Истинны лишь те интерпретации фактов, которые составляют поле пересечения этих пяти проекций, а также те факты, которые совместимы с ним, не войдя в это поле. Факты, которые не совместимы с этим полем, безусловно, ложны.

Абсолютизация любой одной проекции формирует истину в правдоподобии, но не в полноте, и, в конечном счете, является ложью. И только пять форм рефлексии определяют аподиктическую истину, историческую истину, носящую индивидуально-общий характер в отношении Евразии и мира. Введем семантическую символическую модель истины, исторической истины как операционального пересечения образов действительности, создаваемых пятью рефлексиями: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной (см. рис.1)

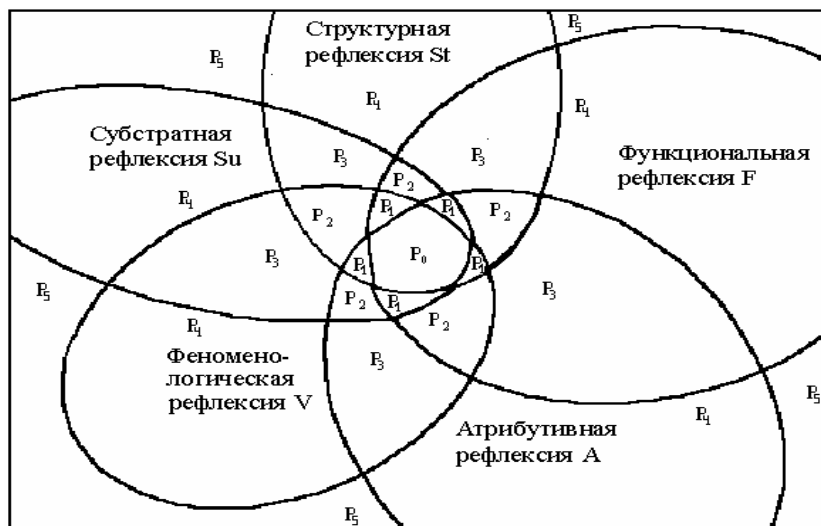

Рис.1

Данная символическая модель истины суть, во-первых, переживание единства тождества и различия идеального и реального (P_0), тогда как Д. Юм, И.Г. Лейбниц, И. Кант, Э. Гуссерль их только различают в модели культурно-типического существа, мыслящего в моделях идентитета, психофизического параллелизма, взаимообмена, психофизической редукции и общеличной причинности (совпадения естественных законов и их моделей в сознании). То есть без постановки проблемы психофизической проблемы и того или иного варианта ее решения *невозможно* построить модель логики. Поэтому как бы Э. Гуссерль ни хотел избавиться от психологизма в наукоучении как чистой логике, он вынужден говорить о рядах материального, реального и идеального, о совпадении переживаний реального – истины как систематического теоретического единства смысла и значения, и идеального – акта суждения и законов логики как идеальных форм, конструкций (9, с.213-217).

Во-вторых, данная модель истины суть переживание *очевидности* не только совпадения идеального и реального как истины, но и отрицание очевидностей отдельных рефлексий. Отсюда возникает всеобщность, необходимость, общезначимость, общеобязательность абсолютной истины, опровергающей частичные истины. Никакая

точка зрения, действительно, представляемая одной из базовых рефлексий и узких научных языков не может спорить с моей личной точкой зрения, когда она идентифицирована с формой синтеза пяти рефлексий в P_0 .

В-третьих, данная модель истины не вытекает из: а) естественных законов мышления вообще; б) личной формы их действия; в) идеального теоретического закона логики, например, закона тождества; г) нормативных законов, например, закона противоречия; д) особенной системы понятий, обобщений индукции и дедукции, группы законов логики, суждений и умозаключений, определений и обоснований; но, наоборот, представляет собой чистую символическую систему, в которой все они разлагаются на составляющие элементы и рассматриваются уже не как абсолютные и неизменные, а как особенные и *изменяемые!* Не Э. Гуссерль в этом смысле был прав, а Б. Эрдманн и В. Вундт. Поэтому данная модель позволяет переструктурировать логические законы и законы науки вообще, сообразно законам логики.

В-четвертых, антропологизм познания не только методолого-технический и не только присущ роду *homo sapiens*, но в силу принципа методологического коллективизма, моего антропологического принципа познания присущ культурно-типическому субъекту научного познания.

Система указанных рефлексий в КПЛ каждого культурно-исторического типа и в каждом языке – уникальна, соответственно и группа естественных законов мышления, личной формы этих законов, идеальных законов мышления (естественный закон, тождественный субстратно-особенной норме в смысле В. Виндельбанда), группа нормативных логических законов (закон тождества, не противоречия, исключения третьего, достаточного основания и т.п.), группа форм вывода всегда не общечеловечны, а антрополого-культурно-типичны. Таким образом, известные законы логики: тождества, не противоречия, исключения третьего, достаточного основания суть законы именно идеальной формы логики романо-германского культурно-исторического типа, но не русской, не индийской и т.п. И это, разумеется, не означает, в силу полифилетического и монофилетического происхождения человека, что русские или индийцы не могут мыслить в формах романо-германской логики, а романо-германцы – в формах русской логики.

В-пятых, система рефлексий, как она была сформирована суть идеальная форма именно русского культурно-исторического типа, и та группа законов, которая будет организовывать взаимодействие этих рефлексий как раз и есть группа идеальных теоретических законов логики мышления русского культурно-исторического типа.

Соотношение рефлексий формирует суждение вида:

S суть P_0 (субстрат) \wedge НЕ- P_1 \wedge НЕ- P_2 \wedge НЕ- P_3 \wedge НЕ- P_4 \wedge НЕ- P_5 (совместимые с P_0 проекции при отрицании тех НЕ- P , которые с P_0 не совместимы), где P_0 суть и общее, и единичное, а все НЕ- P суть не фиксируемые в языках формы уникального. И вот это соотношение субстратного общего (и сразу единичного) и множества форм уникального при движении истины от следствий к основаниям и от оснований к следствиям, выражаемое в формально-содержательном антиномичном силлогизме, регулируемого рядом специальных законов логики и суть русская культурно-типическая модель антиномии. И.Кант этой природы антиномии не осознал, поняв ее западным образом (13, с.400).

Поскольку в этом суждении исходные НЕ- P изменяются согласно P_0 , постольку истина движется в этой пентаномии (а антиномия суть только редуцированная пентаномия) от оснований к следствиям и от следствий к основаниям (собственно и антиномия есть не там, где есть противоположность P и НЕ- P , а там, где истина движется от оснований к следствиям и от следствий к основаниям). Сами же рефлексии в различной мере представлены в различных культурно-типических антропологиях, интеллектах, КПЛ, языках; поэтому данная модель рефлексий и является антрополого-культурно-типической общей содержательной моделью истины.

Соответственно общая форма антиномии такова.

I. Пентаномия образов пяти рефлексий: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной, соотношение которых в различных КПЛ, языках различно.

II. Редукция пентаномии в редукции тождества к антиномиям в уровне (бытие, сущность, явление, действительность, неопределенность) классификационной системы.

III. Логическая сущность: движение истины от следствий к основаниям и от оснований к следствиям.

IV. Общая форма антиномии - пентаномии суждения: некоторые S_0 и только они суть P_0 и все эти S_0 и только они суть P_0 и $HE-P_{1-5}$.

A) в синтетическом суждении выделяется группа S_0 – некоторые S_0 и только они суть P_0 ;

Б) в аналитическом суждении выделяются субсубъекты в S_0 ;

В) в синтетическом суждении происходит не расширение объема и содержания S_0 одного рода, а соединение с субъектом одного рода субъекта другого рода;

Г) P_0 – операционально-открытая область пересечения трансцендентального субъекта S_2 одного рода с эмпирическими субъектами S_n другого рода. $HE-P_{1-5}$ суть 5 субъектов разного рода, которые содержат субстратно-структурно-функциональное множество $HE-P$, исключаящие друг друга, но совместимые, вступают в действительность в форме антиномии - пентаномии.

Трансцендентальный субъект вообще (S_1) (все S_0 и только они) суть – группа метаязыков и объектных языков в классификационной системе, а трансцендентальный субъект S_2 , то есть P_0 есть субъект как пересечение образов пяти рефлексий, и это субъект для эмпирических предикатов, которые фиксирует каждая из пяти рефлексий сама по себе, но они должны быть совместимы с трансцендентальным субъектом S_2 и S_1 и он, в свою очередь, совмещает себя с коллективом предикатов, продуцируемых рефлексиями. Поэтому и необходимо рассматривать не только совместимость предикатов с субъектом (в эмпирическом суждении), но и совместимость трансцендентального субъекта с эмпирическими предикатами в априорных синтетических суждениях.

Трансцендентальный субъект, который мы получаем в пересечении пяти рефлексий, изменился и изменил конвенциональный субъект системы языков – S_1 и должен изменить образы эмпирических предикатов, которые мы получили в рефлексиях по отдельности, они как раз и изменяются в акте совмещения трансцендентального субъекта S_2 или – СУБСТАНЦИОНАЛЬНОГО субъекта (которого Э. Кассиреру так и не удалось изгнать из науки, заместив функцией) и предикатов, но уже изменяются как синтетические предикаты сферы субстанции, действительности, принимая форму синтетической априорности и будучи локальными и общим коллективом предикатов; этот коллектив продуцирует свойства, отношения, функции, которые сами по себе предикатам не присущи, но как целому присущи и с этими свойствами, отношениями, функциями и должен себя совместить S_2 . Вот это и есть необходимость и сущность закона исключения пятого:

Не только P присущ S_2 , не присущ S_2 , совместим с S_2 , но и S_2 присущ P , не присущ P , совместим с P , а пятого не дано.

Антиномическое суждение: некоторые S_0 и только они суть P_0 и все S_0 (S_1) и только они суть $P_0 \wedge HE-P_{1-5}$ и некоторые S_0 и только они суть P_0 (S_2) и все эти S_0 и только они суть P_0 (S_2) $\wedge HE-P_{1-5}$ – априорные синтетические суждения.

V. Общая структура пентаномии:

1) Система форм и видов общего, которая содержит во взаимодействии образы пяти рефлексий на базе субстрата или P_0 ; закон субстрата или содержательно-формальной формы общего, определяющей всеобщее, конкретно-абстрактное, особенное или функциональные зависимости, единичное и уникальное. Субстрат суть общая причинность. Схема закона субстрата такова: S_1 суть P_0 (S_2) $\wedge \neg P_{1-5}$

Здесь S_1 субъект общего суждения, P_0 – образ пересечения образов пяти рефлексий: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной. P_0 как взаимодействие этих образов суть трансцендентально трансцендентный субъект, т.е. предикат, трансформировавшийся в субъект, который определяет НЕ- P_{1-5} , которые есть образы отдельных рефлексий, взятые в совместимости при отрицании несовместимых признаков. P_0 (S_2) содержательно формально есть общее или субстрат, который отличен от всеобщего, конкретно-абстрактного, особенного и локально-общего, единичного, уникального. Параметрически это трансцендентально-трансцендентное общее (культурно-типическое и всеобщее - общее) содержит в себе признаки: единичный признак сходства образов рефлексий, единичный признак их тождества, единичный признак целенаправленности развития, единичную форму основных циклов развития, единичную схему связи этой общей причинности и системы функциональной зависимости в системе. Данная модель закона субстрата сформирована в системе культурно-типической «мы»-концепции русского мышления при ассимиляции «я»-концепции (отдельные рефлексии) западного мышления.

2) 25-членный и 20-членный классификационный фрагмент, структурирующий формы и виды общего в модели: бытия, сущности, явления, действительности, необходимости (это то, что И. Кант называет космологическими идеями).

3) Законы исключения 4, 5, 2-го как законы пентаномии во взаимодействии с законами формальной логики, матлогики в структурных единицах классификационной системы.

А) Закон исключения четвертого.

Закон исключения четвертого (совместимости и присущности предикатов к субъекту):

$P_0 (VAFStSu) \wedge (\neg P_{1-5})$. Истинное суждение выражает присущность свойств P_0 , неприсущность, совместимость $\neg P_{1-5}$ с P_0 . Здесь P_{1-5} – пять образов пяти рефлексий, самих по себе в отдельности, а P_0 – их пересечение. Запись такова: $P \vee \sim P \vee \approx P(S_{(16)P_0})$, читается: P присущ, не присущ, совместим с субстанциональным субъектом.

Б) Закон исключения пятого.

Некоторые S суть $P_0 (VAFStSu) \wedge \text{Все } S$ и только эти S суть $P_0 \wedge \neg P_{1-5}$.

Закон исключения пятого включает в себя имплицитно закон исключения четвертого, дополняя его рассмотрением на совместимость субстанционального субъекта с синтетическими субстанциональными предикатами в полной классификационной системе: S присущ P_{16-25} , не присущ P_{16-25} , совместим с P_{16-25} . Закон исключения пятого запишем и так: $P \vee \sim P \vee \approx P \wedge S(P_{1-5}) \vee \sim S \vee \approx S$. Читается: P присущ, не присущ, совместим с S и S присущ, не присущ, совместим с P_{1-5} .

В) Законы исключения третьего и второго.

а) Закон исключения третьего. $(P_0 \wedge \neg P_{1-5}) \vee \neg (P_0 \wedge \neg P_{1-5})$.

Из двух противоречащих суждений оба не могут быть одновременно ложными: одно необходимо истинно, и это то, которое подтверждается всеми пятью рефлексиями. Если суждение подтверждается меньшим числом рефлексий, то это суждение менее вероятно, чем то, которое подтверждается пятью рефлексиями. Первая часть в этой формуле – образ, создаваемый пятью рефлексиями, а вторая часть – любым числом рефлексий, меньше пяти.

б) Закон исключения второго. Если есть закон исключения третьего, то почему не может существовать и закон исключения второго? Законы исключения третьего, четвертого, пятого и т. п. вводят определенные семантики, которые репрезентируют

определенные грамматические представляемые логики в языке. В случае введения полноты образов объекта в пентаномии: феноменологического, атрибутивного, функционального, структурного, субстратного (общеиндивидуальная причинность и психофизиологическая причинность) образов, которые дают область инварианта, как операционального пересечения этих образов, будет фиксироваться абсолютная истина: семиотические образы взаимнооднозначно соответствуют действительности!

Все образы, которые выходят за пределы инварианта пересечения относительно инварианта пересечения суть ложь! В инварианте пересечения пяти рефлексий - феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной фиксируется абсолютная семиотическая истина, а второго - лжи - не дано. И наоборот, все образы в каждой из пяти рефлексий, которые не пересекаются с инвариантом этих пяти рефлексий - ложны, а второго - истины, фиксируемой пересечением пяти рефлексий, не дано. Эта ложность абсолютна относительно инварианта пересечения пяти рефлексий, но не относительно друг друга; в этом смысле все эти образы - мера истины и лжи, вероятности. Данный закон вводит операциональную процедуру непрерывного различения истины и лжи в их идеальных моделях - вообще абсолютной истины и вообще абсолютной лжи.

4) Редукция онтологических уровней в ступенях-уровнях классификационной системы.

5) Система силлогистического формального пентаномичного вывода наряду с системой рассуждения, суждения, суждения в классификационной системе в целом. Основываясь на введенных законах логики, сформируем модель антиномичного содержательного силлогизма:

Все M суть $P \wedge \text{НЕ-}P_{1-5}$

Все S суть M

Некоторые M суть S

Некоторые S и только они, суть $P_0 \wedge$ Все эти S и только они суть $P_0 \wedge \text{НЕ-}P_{1-5}$.

Большая посылка есть отношение включения в несколько классов, образующих естественное тело, процесс, это отношение транзитивно; а две меньшие посылки суть отношения подчинения и каждое из этих отношений интранзитивно. В посылке «Все S суть M » S подчиняется M , а в посылке «некоторые M суть S » - M подчиняется S . В случае, когда S определяет M , внутри M выделяется та его форма, которая непосредственно совместима с P_0 пяти рефлексий и фиксируется только та форма M , которая именно определена S , а потому это только некоторые выделенные M внутри M . Поэтому вывод оказывается, во-первых: некоторые S и только они суть P_0 , где фиксируется выделяющее суждение. Во-вторых, эти выделенные S вместе с тем суть все те S , которые совместимы как с P_0 , так и его проекциями – $\text{НЕ-}P_{1-5}$ в их множестве. Поэтому вывод высказывается в форме: некоторые S и только они суть P_0 и все эти S и только они суть $P_0 \wedge \text{НЕ-}P_{1-5}$. $M = M_1 \wedge M_2$ операционально связанные.

Должен отметить, что эта антиномичность должна иметь место как на стороне P , так и на стороне S . Мы получили систему, в которой: некоторые S и только они суть форма уникальности, а все S и только они суть форма общности (не всеобщности); при этом в посылке некоторые M суть S , которая хотя и утвердительная имеет место отрицание, т.е. и в силлогизме в целом представлен как утвердительный, так и отрицательный процесс сразу. Соответственно утверждение и отрицание представлено и в форме суть P и $\text{НЕ-}P$ сразу, где P_0 – общность и эмпиричность сразу, а $\text{НЕ-}P$ уникальные проекции P_0 в пяти рефлексиях. Соответственно антиномия, таким образом, имеет вид: некоторые S и только они суть P_0 и все эти S и только они суть P_0 и $\text{НЕ-}P_{1-5}$. Такая форма антиномии суть аналог закона природы, который в субъекте: уникален и общ (субстрат) и в предикате: общ и эмпиричен и уникален сразу.

Такова группа законов именно русской культурно-типичной логики в отличие от логики романо-германской вообще.

IV. Содержательное пентаномичное синтетическое априорное суждение о антропологии русского культурно-исторического типа:

A. Содержательное пентаномичное синтетическое априорное суждение.

1) Некоторые S_0 (S_1) и только они суть P_0 (S_2) и все эти S_0 (S_1) суть P_0 (S_2) $\wedge \neg P_1$, $\wedge \neg P_2$, $\wedge \neg P_3$, $\wedge \neg P_4$, $\wedge \neg P_5$;

S_0 – КПЛ культурно-исторического типа по общему месторазвитию как реалистическое общее.

S_1 – трансцендентальная группа языков наук, описывающая человека (метаинтерпретанта и частные интерпретанты (метаинтерпретанта фиксирует общее месторазвитие антропологии, а частные – языки отдельных наук изменяемые интерпретантой));

P_0 (S_2) – область пересечения а) образов пяти рефлексий в изображении человека (феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной) (P_0) и б) область пересечения моделей человека P_1 , P_2 , P_3 , P_4 , P_5 (S_2), где P_1 – тюркский человек по преимуществу; P_2 – ирано-аланский человек по преимуществу; P_3 – угро-финский человек по преимуществу; P_4 – евразийский человек по преимуществу; P_5 – славянский человек по преимуществу.

P_0 представляет общерусское, как совместимость славянского, тюркского, ирано-аланского, угро-финского, евразийского при отрицании того в НЕ- P , что несовместимо с общерусским.

Форма НЕ- P_n утверждает неизменность, единосущее, неслитность, нераздельность, неразлучность, совместимость особенных P в целом – S_1 – P_0 (S_2). S_2 и есть русские.

2) Иерархия субъектов Евразии (евразийская раса, этносы и единичный сложный человек, суперэтносы и субэтносы, гиперэтносы, культурно-исторический тип) (S_2).

3) Целевая функция формы жизни в Евразии. Аксиомы формы жизни в Евразии.

4) Циклы формы жизни в Евразии.

5) Соответствие формы жизни в Евразии и модели евразийско-русского человека, адекватная система тектологии, праксиологии, ценностей.

Б. На основе этой пентаномии в логической схеме умозаключения (пентаномичного) связываются процессуально конкретные противоречивые суждения относительно движения, развития, функционирования некоторой онтологии, а внутри нее уникального процесса и феномена.

Такова система философской культурно-типической антропологии вообще.

V. Эта система пентаномичного суждения и вывода вообще устанавливает аподиктическую форму сущего и опыта во всей их системной очевидности, и это есть абсолютная основа (субстрат, не основание, основа) наук.

Данная модель истины и ее представление как пентаномичное суждение в нашей философии суть и Декарство *cogito ergo sum* (как сомнение в адекватности единичных рефлексий) и гуссерлевское «Я есмь», но относимые к области оснований и конвенции в нем трансцендентальных аксиом, которые детерминируются, будучи основаниями со стороны следствий, то есть P_0 . В основании науки трансцендентальный субъект S_1 предшествует миру, но в основе, трансцендентальный P_0 или трансцендентальный S_2 предшествует как следствие собственному основанию – S_1 и детерминирует его, задавая содержательную форму – формируемому субъектом содержанию познания. S_2 независим от S_1 , изменяет его, содержит независимые совместимые аксиомы, исключив редукцию, независим от других трансцендентальных *ego*.

Относительно P_0 замечу, что оно коллектив субъектов, то есть это не «я» св. Августина, Р.Декарта, но «мы» св. Иоанна Златоуста, М.В.Ломоносова, Н.Лобачевского,

Д.И. Менделеева: это ценностные субстраты западного и типичного русского познания в науке и искусстве.

Естественно, что идеал Р. Декарта и Э. Гуссерля – универсальной не антропологической, не культурно-типической беспредпосылочной науки (это идеал только функциональной науки) мной отбрасывается в пользу субстратно-структурно-функциональной предпосылочной науки. Как раз P_0 как следствие является универсальным полаганием того, что Р. Декарт и Э. Гуссерль считают беспредпосылочным – основания, которое таково для феноменов в функциональной рефлексии, но не субстрата, который полагает основание, будучи предпосылкой функциональных связей как форма причинности обще-личного характера; а уже основание предполагает феномены. Р. Декарт и Э. Гуссерль не выходят за пределы функциональной полагающей рефлексии, не анализируя предполагающе-полагающую, определяющую, субстанционально-исключающую, неопределенную рефлексии в системе феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной рефлексии. Конечно, представлять дело так, что незаинтересованный субъект может быть получен тем, что Э. Гуссерль называет феноменологической трансцендентальной редукцией – полная наивность и плохая метафизичность. Именно потому, что у Р. Декарта такого рода редукцией служит аппарат особенного символизма – аналитической геометрии, он получает научные результаты. У Э. Гуссерля нет научности (в феноменологии, но не в логических исследованиях).

В случае же с P_0 оно ищется в сложнейшей системе операций феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной рефлексий, в модели антиномичной содержательной логики, с использованием законов исключения 4-го и 5-го в особенных общенаучных методах, создаваемых для особенных классов проблем (синтеза) наук. Бессмысленно строить модель философии, науки, открытия вообще без спецификации модели истины в особенном научном методе, предназначенном для решения конкретных методологических и конкретно-научных задач. В этом мое принципиальное расхождение со всей философией XIX и XX века, но полное совпадение с Р. Декартом.

Замечу также, что тот, кто исходит из *cogito ergo sum* – философ,двигающийся в направлении аподиктической истины, и всякий: кто как Э. Гуссерль, исходит из «Я есмь» - не философ, а философствующий, что не раз отмечает о себе сам Э. Гуссерль, и он движется, удаляясь от аподиктической основы науки вообще, погружаясь в беспредельную интерсубъективность функционального основания науки. Философия не обобщает материал науки, а создает логики открытия в науке.

VI. Множество (исторических) суждений в зависимости от их истинности в каждой из пяти рефлексий: феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной, субстратной - разбивается на 32 подмножества.

$C_5^5 + C_5^4 + C_5^3 + C_5^2 + C_5^1 + C_5^0 = 1 + 5 + 10 + 10 + 5 + 1 = 32$ Эти взаимонепересекающиеся 32 подмножества суждений в объединении исчерпывают все рассматриваемое множество исторических суждений.

Область пересечения рефлексий P_0 - подмножество суждений, истинных в каждой из пяти рефлексий суть аподиктическая истина. Если пересечение рефлексий пусто $P_0 = VAFStSu = \emptyset$, то можно сделать вывод о неполноте исходного множества суждений, истинных в одной или нескольких рефлексиях, но неистинных в каждой из пяти рефлексий одновременно.

1. Суждения, несовместимые с P_0 , но истинные в нескольких рефлексиях, делятся на

$$C_5^4 + C_5^3 + C_5^2 = 5 + 10 + 10 = 25 \text{ подмножеств.}$$

Пять подмножеств суждений, истинных в четырех рефлексиях, но ложных в одной:

$$P_1 = (\neg V)AFStSu \cup V(\neg A)FStSu \cup VA(\neg F)StSu \cup VAF(\neg St)Su \cup VAFSt(\neg Su)$$

Десять подмножеств суждений, истинных в трех рефлексиях, но ложных в двух:

$$P_2 = (\neg V)(\neg A)FStSu \cup (\neg V)A(\neg F)StSu \cup (\neg V)AF(\neg St)Su \cup (\neg V)AFSt(\neg Su) \cup \\ \cup V(\neg A)(\neg F)StSu \cup V(\neg A)F(\neg St)Su \cup V(\neg A)FSt(\neg Su) \cup \\ \cup VA(\neg F)(\neg St)Su \cup VA(\neg F)St(\neg Su) \cup \\ \cup VAF(\neg St)(\neg Su)$$

Десять подмножеств суждений, истинных в двух рефлексиях, но ложных в трех:

$$P_3 = VA(\neg F)(\neg St)(\neg Su) \cup V(\neg A)F(\neg St)(\neg Su) \cup V(\neg A)(\neg F)St(\neg Su) \cup V(\neg A)(\neg F)(\neg St)Su \cup \\ \cup (\neg V)AF(\neg St)(\neg Su) \cup (\neg V)A(\neg F)St(\neg Su) \cup (\neg V)A(\neg F)(\neg St)Su \cup \\ \cup (\neg V)(\neg A)FS(\neg Su) \cup (\neg V)(\neg A)F(\neg St)Su \cup \\ \cup (\neg V)(\neg A)(\neg F)StSu$$

2. Пять подмножеств суждений, истинных только в одной рефлексии:

$$P_4 = V(\neg A)(\neg F)(\neg St)(\neg Su) \cup (\neg V)A(\neg F)(\neg St)(\neg Su) \cup (\neg V)(\neg A)F(\neg St)(\neg Su) \cup \\ \cup (\neg V)(\neg A)(\neg F)St(\neg Su) \cup (\neg V)(\neg A)(\neg F)(\neg St)Su$$

Все суждения любой логической формы, основанные на нескольких из пяти рефлексий, носят только правдоподобный характер.

3. Подмножество суждений, ложных в каждой из рефлексий одновременно:

$$P_5 = (\neg V)(\neg A)(\neg F)(\neg St)(\neg Su)$$

В системе 1+5+10+10+5+1, первая 1 подсистема – форма абсолютной истины, первые 5 подсистем – преимущественно истина и в меньшей степени ложь в дифференцированной форме, первые 10 подсистем – преимущественно истина и в меньшей степени ложь в перспективе направления нарастания лжи; вторые 10 подсистем – суть преимущественно ложь и в меньшей степени истина в перспективе нарастания лжи в дифференцированной форме, вторые 5 подсистем – преимущественно ложных и в меньшей степени истинных в дифференцированной форме в направлении движения к абсолютной лжи; и наконец заключительная 1 подсистема – абсолютная ложь в общем интервале движения мысли от лжи к истине и от истины ко лжи, к заблуждению.

Данная концептуализация формы истины фиксирует абсолютную истину (как конструкт), абсолютную ложь (как конструкт) в абстрациях и потенциальной, и актуальной бесконечности, форму (формы) интервальных моделей истины (например, для области технических наук и т.п.).

В формальном смысле система подсистем (подмножеств) реализует закон абсолютного различения истины и лжи Н.А.Васильева (но в конструктивной предметной форме), законы исключения 2, 3, 4-го (Н.А.Васильева) и закон исключения 5-го.

VII. Рассмотрим модель абсолютной истины вообще.

Человек индуктивного мышления, скептик, эмпирик, естественно сомневается в существовании абсолютной истины. Но, замечу я, она - очевидность, и если бы она не имела бытия, то не было бы и относительных и частных истин, но они, как следствие, есть, а потому есть и их основание – абсолютная истина.

Она имеет формы своего бытия в познании.

1. Как справедливо показывает Э. Бенвенист, формой бытия абсолютной истины является язык, а в нем – именные предложения (Свет! Тишина! Твердое тело, и т.п.). Именные предложения выражают утверждения всеобщего характера (в некотором роде). Именное предложение содержит вечную истину в том смысле, что в нем отсутствует глагольная форма, конкретизация, связь со временем, лицом, наклоном; выражается всеобщий смысл как перформатив, нечто! (3, с.174-183). Аналогом именных предложений в науке, вероятно, являются аксиомы, аксиоматические основания наук.

Мне представляется, что это смысл относительно некоторого интервала бытия, которое абстрактно схватывается языком, но не может быть схвачено мышлением, но в

языке – есть и допускает последующий перевод как цели в спецификацию, или, наоборот, допускает приближение к себе спецификацией. Отсюда возникают возможности дедукции и индукции, промежуточных форм логик (индукции, традукции, дедукции, продукции, субдукции, едукции). Абсолютность языка предполагает полноту логик, которые должны исчерпывать эту абсолютность. Язык и речь в этом смысле и больше мышления – содержат абсолютную истину, и меньше – не умея ее передать так, чтобы наше мышление эту истину поняло.

2. Абсолютной истиной является принятие человеком необходимых и достаточных условий реальности, бытия, в соответствии с которыми мы создаем науку и практику. Это абсолютная истина в последней инстанции. Таковы – жизнь, аксиомы формы жизни и т.п. Нарушение этих истин ведет к катастрофам жизни, бытия, и в этом их *абсолютная* принудительность. К числу таких истин принадлежит абсолютность как всеобщей, так и культурно-типичной формы жизни, истины КПЛ.

3. Истина абсолютная присутствует в наших относительных и частных истинах, вероятностных истинах, правдоподобных предположениях, гипотезах, благодаря чему мы можем с успехом действовать в жизни. Все относительные и частные истины потому и истины, что операционально связаны с абсолютными истинами и имеют в себе их субстанцию, их меру. Абсолютные истины – основание всех частных, относительных и вероятных истин.

4. Эволюционной формой абсолютных истин являются эмпирические обобщения первого рода (не теории), которые, как периодический закон Д.И. Менделеева содержат единичный признак сходства, тождества, целенаправленности, форму цикла, форму опосредования им первично-следственных и функциональных зависимостей в системе (общее \neq всеобщему).

Эти эмпирические обобщения первого рода существуют в формах:

- а) эмпирических обобщений первого рода в познании первого рода (в науке);
- б) эмпирические обобщения первого рода в познании второго рода: обобщенном познании народа или его гениальных представлений в искусстве (В.И. Вернадский), мудрости;
- в) религиозных истин всеобще-культурно-типического характера и признаваемых таковыми человечеством и культурно-историческими типами, единичными уникальными людьми; ценности заповедей – абсолютны;
- г) идеалов, которые фиксируют то, что могло и может быть, отрицая как раз наши относительные, частные, вероятностные истины за содержащиеся в них временные заблуждения;
- д) массива человеческого знания, мудрости и нравственности, который, содержа ложь, тем не менее, обладает способностью преодолевать и накапливающиеся заблуждения. Сама эта способность знания есть формы бытия и развития абсолютной истины.

5. Модель P_0 является именно моделью абсолютной истины как процесса наполнения абсолютом относительных, вероятностных, частных истин.

- P_0 как антиномичная содержательная и формальная истина.
- Тождества и различия на основе P_0 .
- Целевые процессы на основе P_0 .
- Циклические процессы на основе P_0 .
- Определение этими циклами форм причинно-следственных и функциональных зависимостей в моделируемых системах и процессах. P_0 – расширяющаяся и углубляющаяся в полноте истина, которая непрерывно увеличивает меру абсолютности в относительных, вероятностных, частных, временных, интервальных моделях истины, свертывая объем правдоподобности в смысле ошибок и лжи.

Как абсолютная, так и относительная, вероятностная правдоподобная формы истины присущи всеобщей и культурно-типической природе человека. Это гносеологические

продукты деятельности мозга и языка, речи. И человек в целом, и человек как культурно-типическое существо, и его язык и речь, и его наука как тип мышления, языка, речи, коммуникации, неопределенности имеют интенцию на гармонию абсолютной и относительной, вероятной, правдоподобной, частной истины. Исключение из исследований концепта абсолютной истины как раз и является формой нарастающего заблуждения науки и человека, которые гибнут в беспредельном прагматическом скептицизме.

В абсолютной ценности комплекса *homo sapiens* и абсолютных ценностей имеет основание и основу своего бытия во времени и пространстве – человек. Отрицая абсолютную истину, отрицают и абсолютные ценности, погружаясь в абсолютность как раз текущих частных истин; на этой основе и происходит абсолютное заблуждение человечества и его *конец*.

Человек и есть существо, стремящееся к абсолютной истине и абсолютным ценностям, и преодолевающее необходимость частных истин и ценностей. Без этого стремления к абсолютной истине – нет человека. Кто борется с абсолютной истиной, тот ранее или позднее проиграет. Но человек, к сожалению, не извлекает уроков из своих ошибок и с упорством, достойным лучшего применения, продолжает их повторять пока не приведет себя к гибели.

Выстроенная система множеств суть система перехода от двузначной логики суждений в каждой рефлексии к многозначной логике, определяющей процесс поиска исторической истины. Это общая логика научного открытия культурно-типического характера.

VIII. На основе этих моделей осуществляется в классификационной системе субстратного подхода моделирование форм истины, как инструментов русской культурно-типической педагогики в блоках философского, математического, естественного, технического, гуманитарного, религиозного знания, искусстве.

Основными историческими формами истины являются: языческая (конкретность и множественность) и античная форма эмпирической истины, скептическая форма истины, религиозно-христианская форма истины, логико-математическая и математико-физическая всеобщая форма истины, культурно-типичная антиномичная форма истины. Эти пять форм истины, рассматриваемые как момент формы истины, образуемой пересечением образов, создаваемых пятью рефлексиями, - феноменологической, атрибутивной, функциональной, структурной и субстратной, трансформируются в следующие 25 форм истины.

1. Модель языческой истины дохристианского характера (множественная истина локального характера).

2. Модель эмпирической истины Древней Греции и Рима.

3. Идеациональная система истины религиозного христианского характера (апофатизм, катафатизм, католическая, протестантская, православная формы, ислам, буддизм и т.п.).

4. Эмпирическая истина (экспериментальная) Нового времени, феноменолого-функциональная истина, индуктивная истина Ф.Бэкона.

5. Логико-математическая истина XVI-XIX веков. Истина Р.Декарта, Г.Лейбница. Собственно математическая истина и математико-физическая истина Г.Галилея, И.Ньютона. Всеобщность, необходимость, общезначимость истины. Структурно-функциональная и функционально-структурная форма истины.

6. Скептическая модель истины.

7. Культурно-типическая модель истины в рамках антропологического принципа познания: всеобщность и культурно-типичность, необходимость и антиномизм, общезначимость и личностность, системность и уникальность, абсолютность и относительность истины и систем рефлексий: феноменологической, атрибутивной,

функциональной, структурной, субстратной. Лингвистическая модель истины выступает частным случаем данной модели истины.

8. Форма истины, основанная на наглядных представлениях интуитивно схватывающих сущность вещей, свойств, отношений; художественная поэтическая истина.

9. Византийско-христианская система истины: а) общехристианская система истины, основанная на учении Христа и Его троичной природе; б) основная и доминирующая - апофатическая (скептическая) модель истины, которая отрицает концептуальность разного рода, утверждая единственную концептуальность, и порождает в позитивном плане трансцендентальные и трансцендентные иллюзии. Эта модель истины отрицает конструктивное познание Бога, формы Бога, соответственно, - формы Бога в реальности, отрицает позитивное познание вообще, делая акцент на Благочестие в ущерб знанию.

10. Модель христианско-православной истины России.

А. Модель истины:

а) апофатическая модель истины; активно отрицается катафатическая модель познания Бога и истины;

б) скептическая модель истины, отсюда русский нигилизм;

в) формируется форма истины Благочестия, предполагающая во имя Благочестия, лояльности церкви к государству, строю - отказ от критики, познания, истины вообще;

г) прагматическая модель истины (государственный и клановый интерес как критерий истины и эффективности, полезности, целесообразности);

д) общая модель истины:

- субъект высказывания истины, правды, говорения и молчания – государство и его институты, отрицание личности как субъекта истины и правды, отрицание ученого как субъекта истины и правды (правда - форма уникальности, а истина – общности и всеобщности);

- государство и РПЦ как субъекты формы истины и лжи, меры доминирования лжи; государство и церковь – столп и сотворение лжи;

- целевые системы лжи;

- циклы лжи в социально-реформаторской деятельности;

- некорректная, вырожденная и порочная аргументация, вообще отказ от истины, правды, справедливости и молчание о них, принятие лжи за истину, частного за общее, частного интереса за общий интерес, добра за зло, зло за добро, молчание о добре и демагогическое говорение злых людей (запрет говорения людей добрых, их молчание). Так общество приходит к полному заблуждению.

Б. Модель правды. Необходимо выделить и форму правды в России:

1. То, что есть форма жизни, события, ситуации, процесс, уникально-причинно-следственная связь, факт.

2. Уникальная определенность того, что есть с позиций уникального человека.

3. То, чего нет, но то, что должно быть по Богу, Его идеалу.

4. Схема развития по идеалу, в которой уникальное определяет всеобщее.

5. Форма обще-уникалистской справедливости: уникалистски-общая относительная справедливость; уникальные тождества и различия событий в пространстве-времени; целевая функция определения идеалом жизни; цикл борьбы за истину; взаимопонимание и изменение суждений в коммуникации.

11. Модель истины сердца или чувства - в любви и ненависти. Модель субъективной истины фактов сознания.

12. Особенности культурно-типические группы теорий истины, присущие различным культурно-историческим типам:

- модель истины греко-римского культурно-исторического типа;

- модель истины индийского культурно-исторического типа (индуизм, буддизм);

- модель истины в китайском культурно-историческом типе (китайский буддизм, дзэн-буддизм, конфуцианство);
- модель истины в японском культурно-историческом типе (синтоизм и японский дзэн-буддизм);
- модель истины ирано-аланского культурно-исторического типа (принцип методологического уникализма и мышление в логике движения истины от следствий к основаниям);
- модель истины арабо-исламского культурно-исторического типа;
- модель истины в романо-германском культурно-историческом типе (западный тип науки Франции, Германии, Англии, США);
- модель истины в русском культурно-историческом типе (содержательные антиномичные логики).

13. Модель донаучной истины (обыденность - практическое отношение, повседневность – прагматическое отношение самопознания и т.п.) и формы вненаучной истины или истины форм: псевдонаучной; паранаучной; девиантной; антиномичной; сердечно-рациональной.

14. Модель истины в формах мифа, утопического сознания и мышления (системы идеализации).

15. Функциональные модели истины.

1) Модель истины в системе философии (метафизика: гносеология, онтология, логика, ОТС), философии науки, социальной философии, герменевтики (понимание), философии религии.

2) Форма истины в математике.

3) Форма истины в физике и химии.

4) Форма истины в биологической группе наук.

5) Форма истины в технических науках.

6) Форма истины в географическом комплексе наук.

7) Форма истины в экономике.

8) Форма истины в социологии.

9) Форма истины в истории.

10) Форма истины в этике.

11) Форма истины в праве.

12) Форма истины в философской, отраслевой, социальной, метантропологии и культурно-типической антропологии и лингвистике.

13) Форма истины в медицинском комплексе наук.

14) Форма истины в психологии и педагогике.

15) Форма истины в праксиологии и тектологии.

16) Форма истины в искусстве и видах, жанрах искусства, мемуарах.

Особенные объекты порождают особенную логику исследования и требуют разработки особенной формы истины, занимающей свое место в системе множественной истины.

16. Эвристические модели истины. Истина в вопросе и ответе, проблеме.

17. Космо-эволюционная модель истины (истина в модели науки А.Л. Чижевского).

18. Модель истины в общем культурно-типичном народном познании, истина как эмпирические обобщения первого рода в познании второго рода (истины в архетипах сознания, коллективных архетипах сознания, афоризмы, пословицы).

19. Модель праксиологической и тектологической истины.

20.1. Система исторической истины исторической эпохи и присущие ей системы иллюзий, мифов, система, как истины, так и лжи как принципа адаптации, ассимиляции, аккомодации человека к жизни.

20.2. Система повседневно-обыденной истины А. Шюца.

20.3. Теория здравого смысла, истины и лжи, заблуждения в здравом смысле. Отношение здравого смысла к основаниям наук.

20.4. Теория консенсусной истины.

20.5. Теория понимания (понимания; формализация; объяснение и обоснование; истолкование-спецификация; интерпретация; ретросказание; предсказание).

21. Модель истины в отношении формы неопределенности (неопределенность абсолютная, принцип неопределенности в особенных науках, вариативность, определение в циклах неопределенного, определенность только со стороны всеобщего).

22. Модель истины как синтез множества языков описания, символик.

23. Модель истины как элиминация символической формы мышления, деления суждения на субъекты и объекты.

24. Модель истины как определительный процесс и редукция.

25. Модель истины в индивидуальных логиках и культурно-типических логиках научного открытия.

Угнетение любой из этих форм истины необходимо порождает ложь. Нереально использование всех форм истины, это невозможно, а потому необходимым процессом являются критика, сомнение и непрерывное сознание наличия ошибки в логически истинных построениях и теориях.

Существующие теории истины представляют собой распространение формы истины в какой-либо науке: математике, физике, логике и т.п. на всю область научного познания. Но все такого рода формы истины игнорируют критерий субстратности истины в нашем понимании, частные и не допускают корректной интерпретации на различных субстратных областях знания.

Литература

1. Аристотель Соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1978. Т.2. – 688 с.
2. Бэкон Ф. Соч.: В 2-х т. М.: Мысль, 1971- 1978.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
4. Больцано Б. Учение о науке. СПб.: Наука, 2003. – 519 с.
5. Васильев Н.А. Воображаемая логика. Избр. труды. М.: Наука, 1989. – 263 с.
6. Вейль Г. Математическое мышление. М.: Наука, 1989. - 398 с.
7. Гагаев А.А. Гагаев П.А. Система философии. Философия, логика и методология науки. Русская культурно-типическая модель науки: В 4-х ч. Ч.1. Антропологические этнокультурные основания культурно-типической модели науки, редукционная модель наук. Саранск, 2009. 330 с.
8. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, Ювента, 1998. - 316 с.
9. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 752 с.
10. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. - 574 с.
11. Декарт Р. Соч. в 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1989. - 656 с.
12. Ильин В.В. Критерии научности знания. М.: Высш.шк., 1989. – 128 с.
13. Кант И. Критика чистого разума. Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.- 648 с.
14. Кант И. Соч.: В 6-и т. Т.5. М.: Мысль, 1966. - 564 с.
15. Карри Х. Основания математической логики. М.: Мир, 1969. – 567 с.
16. Кречмер Э. Об истерии. СПб.: Москва-Харьков-Минск, Изд-во Питер, 2001. – 144 с.
17. Лосский Н.О. Избр. произведения. М.: Правда, 1991. – 662 с.
18. Менделеев Д.И. Границ познанию предвидеть невозможно. М.: Советская Россия, 1991. – 592 с.
19. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента, Наука, 1999. – 606 с.
20. Новое в лингвистике. М.: Ин.лит., вып.1, 1960. – 462 с.
21. Петров С.Д. Методология на субстратный подход. София: Наука и искусство, 1980. – 294 с.
22. Платон Соч.: В 3-х т. – М.: Мысль, 1968-1972.
23. Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. СПб., Наука, 1997. – 532 с.
24. Рутковский Л. Основные типы умозаключений. СПб., 1988. – 160 с.
25. Сепир Э. Язык. М., Л.: Гос.соц.эк.изд., 1934. – 222 с.
26. Соловьев В.С. Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1990. Т.1. - 892 с.
27. Франсуа де Ларошфуко. Максимумы. Блез Паскаль. Мысли. Жан де Лабрюйер. Характеры. М.: Худ. лит., 1974. -542 с.

28. Чудинов Э.М. Природа научной истины. М.: Политиздат, 1977. – 311 с.
29. Шелер М. Избр. произведения. М.: Гнозис, 1994. - 414 с.
30. Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: Наука, 1993. – 592 с.
31. Шредингер Э. Мое мировоззрение// Вопросы философии, №9, 1994, С.66-95.
32. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. - М., 1967. Т. 4.
33. Юнг К. Психологические типы. Минск.: Попурри, 1998. - 653 с.
34. Schutz A. Cjllected Papers, I; The problem of social Reality. La Haye, Hartinus Nijhoff, s, d. P. 59.